

против всех

Валерий Смирнов

Аферы на выборах

Против всех

Валерий Смирнов
Аферы на выборах

«Алгоритм»

2008

УДК 323
ББК 63.3(2)

Смирнов В. М.

Аферы на выборах / В. М. Смирнов — «Алгоритм»,
2008 — (Против всех)

ISBN 978-5-9265-05044

Абсолютно за каждой российской избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. О представительности же, то есть выражении выборами воли большинства населения страны, даже не стоит говорить: ее нет, так как большинство избирателей «голосует ногами», попросту не приходя на избирательные участки. А точнее, выражает свое отношение к этим выборам, заранее будучи уверенным в том, что они — фальшивка. И это не в силах скрыть даже раздутые официальные проценты принявших участие в голосовании. Иначе говоря, стало очевидным — выборы в России превратились в общегосударственную аферу. Показать, почему так произошло и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса, — задача этой книги.

УДК 323
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9265-05044

© Смирнов В. М., 2008
© Алгоритм, 2008

Содержание

Предисловие	6
1	8
1.1. Свободные выборы – знамя демократов	8
1.2. Власть брошена	12
1.3. Раскол победителей	15
1.4. Вождь демократов	18
1.5. Съезд разворачивается	20
1.6. Дрессировка демократии	25
1.7. Конституция по-президентски	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Валерий Марксович Смирнов

Аферы на выборах

© Смирнов В.М., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Предисловие

Российские выборы за два последних десятилетия прошли впечатляющий путь.

В 1989 году две трети членов вновь созданного высшего органа государственной власти СССР – Съезда народных депутатов – стали избираться на альтернативной основе. Что впервые за многие годы предполагало наличие более чем одного заранее отобранного партийной машиной кандидата в депутаты. Причем в кандидаты можно было выдвинуться самостоятельно, без какой-либо партийной поддержки, получив большинство голосов предвыборного собрания с числом участников не менее 300 избирателей.

Соответственно, у избирателей появилась реальная возможность выбрать того, кто, по их мнению, наиболее верно отражал их интересы, ведь 300 человек – это, по сути, небольшая социальная группа, состоящая из знакомых между собой людей и знакомых их знакомых, объединенных общим общественным интересом.

В 1990 году точно так же был сформирован Съезд народных депутатов самой крупной республики в составе Союза – РСФСР.

В выборах, как и ранее, принимало участие более 90 % избирателей России, причем число кандидатов по каждому избирательному округу составляло зачастую более десятка, а число избирательных бюллетеней в целом по стране составило около 100 миллионов.

Несмотря на то, что на Съезд избиралось более 1000 депутатов, результаты выборов были подведены в течение 3–4 дней, а в окончательном виде появились уже через неделю.

При этом бюллетени подсчитывали» вручную (компьютеров тогда было мало, да и никто не видел в них особой необходимости для подведения итогов голосования), а избирательные комиссии создавались лишь на период выборов, с участием действовавших депутатов и минимальным числом штатных работников. Соответственно, и расходы на сами выборы, по сравнению с нынешними, были в несколько раз ниже, не говоря уже о том, что стоимость избирательной кампании не выражалась астрономическими суммами, как сейчас.

Самым же существенным было то, что никто, как внутри, так и вне России, во-первых, не сомневался в том, что выборы были представительными, то есть выражали волю большинства населения России, и, во-вторых, что они были честными, то есть население избрало действительно тех, кого оно хотело избрать. Несмотря на отсутствие международных наблюдателей и проверок на соответствие избирательного процесса общечеловеческим ценностям.

За 17 лет, прошедших с тех пор, в России появилось постоянно действующее министерство выборов – Центризбирком с многотысячным штатом сотрудников. Число избирателей, участвующих в выборах, сократилось официально до 30–35 %, а неофициально – почти вдвое меньше (почему в очередной версии закона о выборах вначале порог явки снизился до 20 %, а потом и вовсе сократился до 0). Количество поданных избирательных бюллетеней, с учетом стремительного сокращения населения страны, уменьшилось как минимум втрое, а фактически – почти в пять раз. На выборах применяется самая совершенная вычислительная техника, связанная в тотальную избирательную систему ГАС «Выборы». Число кандидатов по избирательным округам уменьшилось до нескольких человек, да и на всю страну до недавнего времени оставалось всего 225 думских мест (остальные депутаты появлялись из партийных списков, независимо от того, что избиратели думали по поводу каждого из них конкретно). И это еще до введения в этом году так называемой пропорциональной системы, когда во всех бюллетенях будут одни и те же кандидаты – партийные списки. Затраты как на сами выборы, так и на содержание министерства выборов со всеми его местными филиалами ежегодно исчисляются миллиардами рублей.

Однако теперь для подведения официальных (а не предварительных) результатов выборов требуется более двух недель. И при этом абсолютно за каждой избирательной кампанией тянется длинный шлейф подтасовок, судебных процессов и скандалов, после которых в честность проходящих в России выборов не верят даже дети. Как внутри, так и вовне страны. Несмотря на многочисленных наблюдателей и регулярные заявления о соответствии выборов неким «международным стандартам».

О представительности же, то есть выражении выборами воли большинства населения страны даже не стоит говорить: ее нет, так как большинство избирателей «голосует ногами», попросту не приходя на избирательные участки. А точнее, выражает свое отношение к этим выборам, заранее будучи уверенным в том, что они – фальшивка. И это не в силах скрыть даже раздутые официальные проценты принявших участие в голосовании.

Низкие проценты участия в выборах в странах с «развитой демократией» обычно принято объяснять так: мол, там и так все хорошо, избиратель всем доволен, потому и аполитично не ходит на выборы. Ему, дескать, безразлично, кто бы ни победил. Оставляя в стороне справедливость подобных утверждений – пусть они сами разбираются со своей демократией – заметим сразу, что в России это не так. В стране в течение последних двух десятилетий сверху интенсивно проводится политическая и экономическая перетасовка, кокетливо называемая реформами. Это затрагивает жизненные интересы всех жителей России, и потому трудно заподозрить их в безразличии к тому, что с ними собираются сотворить власти, как бы избранные от их имени. Поэтому отказ населения от участия в выборах означает только одно – избиратели России в подавляющем своем большинстве не верят в то, что через такие выборы они действительно могут выразить свою волю.

Иначе говоря, стало очевидным – выборы в России превратились в общегосударственную аферу. Показать, почему так произошло, и в чем состоит механизм общероссийского избирательного фарса – задача этой книги.

Накануне расстрела российского парламента в 1993 году автор работал в Комитете по конституционному законодательству Верховного Совета России и присутствовал при зарождении тех механизмов «управляемой демократии», а проще говоря, манипулирования выборами, которые закладывались в новую Конституцию России. Позднее, принимая непосредственное участие в думских и президентских избирательных кампаниях и сопутствовавших им судебных процессах, был свидетелем претворения этих механизмов в жизнь. Этим знанием я и собираюсь поделиться с читателем.

1

Как демократы разлюбили демократию

1.1. Свободные выборы – знамя демократов

Главным, стержневым лозунгом перестройки, начатой в Советском Союзе в конце 80-х годов XX века, была демократизация всего общества. Под демократизацией подразумевались в первую очередь свободные выборы. Они означали не только сам выбор одного из многих кандидатов, что для советских избирателей уже само по себе было в новинку, но и то, что кандидатов можно выдвигать совершенно свободно, а не по указке того или иного партийного органа. Таким образом, у народа, избирателей появился реальный шанс выбрать того, кого они посчитали наиболее достойным. Сторонники перестройки, получившие потому название демократов, считали, что таким образом народ будет сам определять пути развития общества, а это главное условие того, что они будут успешными.

Надо отметить, что первые выборы на альтернативной основе состоялись по горбачевской инициативе еще в 1989 году. Это были выборы на Съезд народных депутатов СССР. Затем в 1990 году такие же выборы прошли на Съезд народных депутатов РСФСР. И главное, выдвижение самих кандидатов на выборах было исключительно свободным. Для тех, кто представляет себе, чего стоило выдвижение кандидата в депутаты в России в недавнем прошлом (сбор десятков тысяч подписей или избирательный залог в сотни тысяч рублей), а ныне, с введением голосования по партийным спискам, стало просто невозможным, одна только процедура выдвижения кандидатов в народные депутаты СССР напечтает о том, в каком «царстве свободы» мы жили еще совсем недавно.

Для того чтобы выдвинуться и предложить себя в качестве кандидата в том или ином избирательном округе, любому человеку достаточно было собрать избирательное собрание численностью не менее 300 избирателей, известить о нем местную избирательную комиссию (именно известить, а не попросить ее соизволения на его проведение), и на этом собрании получить большинство голосов, то есть как минимум 151 голос. Этого было достаточно для выдвижения кандидатом в народные депутаты. Наверное, более демократичного способа отбора будущих законодателей Россия за всю свою историю еще не знала.

Так же просто было создать политическую партию. К ней в то время предъявлялось только одно требование: чтобы у нее было не менее 5 тысяч членов. Это требование для такой огромной страны, как СССР, и таких городов, как Москва или Ленинград, было вполне выполнимым. Естественно, помимо коммунистической появились и другие партии. Зарегистрировав себя в Министерстве юстиции как общественные организации (тогда же появился первый закон об общественных организациях), эти партии имели право выдвигать своих кандидатов во всех избирательных округах Советского Союза без собрания 300 человек. Собственно, это была единственная привилегия, которой они пользовались.

Само собой разумеется, что людям, желавшим проявить себя в государственном управлении, но не объединенным какой-либо общей политической идеей, проще было выдвинуть себя по одномандатной системе в любом избирательном округе, чем создавать свою политическую партию. А те, кто действительно был объединен неким общим стремлением, общей идеологией, тому наоборот, имело смысл создавать политическую партию и выдвигать себя уже как представителей единой политической силы с общей программой.

Об этом стоит сейчас вспомнить хотя бы для того, чтобы представить себе, как государственная власть, если она действительно этого хочет, может способствовать проявлению политического сознания и воли своих граждан.

Поэтому на первых свободных альтернативных выборах на Съезд народных депутатов СССР, а затем и РСФСР в каждом из избирательных округов (тогда в каждом из них было около 100 тысяч избирателей) выдвигалось по 10, 14, а иногда и более 20 кандидатов. Тем не менее все они могли, во-первых, вести избирательную кампанию, совершенно свободно встречаться с избирателями; и, во-вторых, выборы в этих избирательных округах проходили при невиданной ныне явке избирателей. Например, на выборах народных депутатов СССР в марте 1989 г. явка избирателей составила 99,9 %, хотя никакого принуждения к голосованию тогда не существовало. По сути эти 99,9 % стали реальным рейтингом доверия избирателей новой избирательной системе. Кстати, около 10 % избирателей пришли на выборы, чтобы проголосовать «против всех»¹. Однако то, что они сделали это, придя на избирательные участки, а не «ногами», то есть, не участвуя в выборах, как это принято сейчас, тоже свидетельствует о доверии, испытываемом избирателями к либеральной советской избирательной системе.

Особо надо подчеркнуть, что, несмотря на такое обилие кандидатов в депутаты и впятеро большее, по сравнению с нынешним, количество избирательных округов, эти выборы проходили без особых нареканий. То есть каких-либо жалоб на массовую подтасовку результатов выборов, без чего не обходятся ни одни выборы в России, начиная с декабря 1993 года, не было. Единственное, на чем сходились все наблюдатели – это на склонности избирателей отдавать предпочтение местным кандидатам, а не каким-то пришлым варягам, приехавшим из крупных городов. Но это было совершенно естественно. Очевидно, что избирателю ближе знакомые ему люди, о которых он может судить по собственным впечатлениям, живущие с ним в том же месте, с теми же проблемами.

Все это в совокупности дало очень интересный состав Съезда народных депутатов, в особенности Съезда народных депутатов России, поскольку он избирался на совершенно свободной основе, без квот депутатов от КПСС и прочих подчиненных ей общественных организаций, как Съезд Союза.

Фактически именно Съезд народных депутатов России стал уникальным органом в советской истории, который вобрал в себя представителей самых разных групп населения из всех частей страны. Он явился неким форумом народа, собранным на основе свободных выборов и, таким образом, весьма точно отражающим волю этого народа. Само его создание стало новым, необычным явлением, доселе не встречавшимся в советской практике.

Съезды народных депутатов, собиравшиеся еще в ленинский период, на заре советской власти, избирались в условиях ограничения избирательных прав отдельных групп населения и потому носили совершенно иной характер. Этот же Съезд народных депутатов был наделен конституционными полномочиями, являлся высшим органом государственной власти, имел право принять к рассмотрению и разрешить любой вопрос, касающийся государственной жизни, принять любой закон. Таким образом, в системе советской власти вдруг неожиданно появился широкий и свободно избранный форум народных представителей, который давал возможность откликаться на любую волю народа, во всяком случае, претворять ее непосредственно в действия государственной власти.

Характерная деталь. Как уже говорилось, создать в то время политическую партию было достаточно легко. В любом случае, в такой стране, как Советский Союз, 5 тысяч граждан было достаточно, чтобы считать их политической партией, а в его осколке – РФ их ныне требуется 50 тысяч. Очевидно, что советская демократия, в отличие от российской, была

¹ Данные Института региональной политики http://regionalistica.ru/comments/comment_mosduma/.

направлена не на то, чтобы сократить число политических партий, а наоборот, чтобы дать им возможность проявиться. Так вот, несмотря на легкость создания политических партий, количество депутатов, которое было от них избрано, оказалось невелико.

Единственным исключением были члены КПСС и ее российской секции – КПрФ. Поскольку, во-первых, это была на тот момент практически единственная массовая партия, а во-вторых, на население СССР в целом приходилось порядка 20 миллионов членов КПСС. Таким образом, фракция КПрФ на Съезде автоматически оказалась самой многочисленной. Остальные же политические партии получили на российском Съезде сравнительно небольшое количество голосов.

Откуда следовало, что российский избиратель, массово придя на выборы, склонен верить не политическим партиям и их программам, в том числе и программе КПСС-КПрФ, а скорее конкретным личностям, которых он видит, знает и которым готов оказать доверие. Это доказывает, что система выборов конкретных кандидатов, а не партийных списков, так называемая мажоритарная система, изначально соответствовала политическому мировоззрению российского избирателя. Пропорциональная же система голосования за безликие списки политических партий отчуждает уже по самому своему принципу выборный орган от избирателя. Во всяком случае, уже самые первые альтернативные выборы в России дали тому весомое подтверждение.

Однако депутаты от мажоритарных округов, придя в орган государственной власти, каким являлся Съезд народных депутатов, естественно, обладали собственными политическими взглядами, собственными мнениями. В целом их можно было разделить на две категории. Во-первых, демократы, то есть те, кто поддерживал демократические перемены в стране. Это были люди самых разных взглядов, от прозападных и неолиберальных до националистических и патриотических. Вторые – это те, кто концентрировался вокруг идеологического ядра КПСС-КПрФ с известными и поныне политическими персонажами, такими, как Зюганов, Купцов и им подобными. Таким образом, это как бы делило Съезд народных депутатов на два политических лагеря: демократов и партократов (возможно, это не самый лучший термин, но именно он был в ходу в то время). И если партократов, сторонников традиционной системы советских ценностей, объединяла вокруг себя КПСС, впоследствии трансформировавшаяся в КПрФ, то организационным ядром демократов стала Демократическая Россия.

Особенностью этой общественной организации, возникшей на волне перестройки, являлась весьма серьезная организационная и идеологическая помощь с Запада. Эта помощь самой ДемРоссией не выпячивалась. Тем не менее она чувствовалась хотя бы по тому, что все те, кто примыкал к Демократической России, обладали серьезным доступом к самым разным современным инструментам политической борьбы, бывшим еще в новинку в СССР: от литературы до оргтехники. Стоит отметить, что оргтехника в советское время была в крайнем дефиците. Ксероксы были только в учреждениях и находились под замком за железными дверями; доступ к ним для размножения каких-либо документов был крайне сложен. Поэтому те, кто пользовался поддержкой Демократической России, получали как минимум помощь оргтехникой, что становилось козырем в политической борьбе того времени, а в случае идеологических симпатий западных спонсоров и финансовую помощь.

Противоборство с партократами в 1990–1991 годах привело к серьезным успехам демократов, что отражало растущее в стране недовольство политикой генсека КПСС – Горбачева. Лидер демократов Ельцин был избран вначале председателем Верховного совета Российской Федерации. Затем практически под него было организовано изменение Конституции РСФСР, введен пост президента, были назначены выборы по ускоренной схеме, то есть в 3 месяца, несмотря на то, что официально по Конституции на выдвижение кандидатов в президенты и на предвыборную кампанию отводился полугодовой срок. Искусственно

создавалась ситуация спешки, когда нет альтернативы, фактически существует только один достойный кандидат, и всех убеждают в том, что голосовать можно только за него.

Впервые этот сценарий был разыгран в 1991 году, и легко заметить, что с тех пор президентские выборы в России проходили только по нему: и в 1996, и в 2000, и в 2004 году. Однако стоит отметить, что первыми его разыграли именно демократы и при непосредственной руководящей и направляющей помощи своих кураторов из-за рубежа. Так что у этого «туземного» сценария выборов не вполне российские корни.

То, что было российским нововведением, так это появление на политической сцене своеобразного персонажа, превращающего предвыборную кампанию в нечто вроде политической клоунады. Именно таким стало появление в числе кандидатов в президенты России Владимира Жириновского. Для регистрации кандидатом в президенты по закону того времени необходимо было собрать 100 000 подписей избирателей в свою поддержку, на что Жириновский со своей карликовой партией рассчитывать, разумеется, не могли. Либо получить поддержку 1/5 народных депутатов РСФСР (более 200 человек). Так вот Жириновскому каким-то образом разрешили выступить на заседании Съезда, а затем провели голосование, сделавшее его кандидатом в президенты². С учетом того, что самой крупной организованной силой на Съезде тогда были депутаты КПСС, а сам Жириновский играл роль некой третьей силы, понятно, что его реальная задача была не дать оппозиции сконцентрироваться вокруг какой-то единой серьезной программы, противопоставленной кандидату власти. Кстати, тогда, по некоторым сведениям, на избирательную кампанию Жириновского управление делами ЦК КПСС выделило три миллиона рублей³. В этой истории любопытнее всего то, что с тех пор спрос на политическую клоунаду в Кремле не только не снизился, а даже возрос, несмотря на неоднократную смену его хозяев и даже свершившийся в 1993 году государственный переворот. Во всяком случае, до сих пор партия власти держит при себе Жириновского и имитирует с его помощью некую невнятно-популистскую оппозицию.

Все это вместе взятое показывает, насколько пестрой была политическая сцена России в момент перестройки. Однако главное, в чем сходились все отличные от традиционной КПСС политические направления – это продвижение демократии, то есть в первую очередь свободных выборов на альтернативной основе. В этом было главное отличие демократов от партократов. К этим выборам они стремились честно и искренне, несмотря на разнообразие своих политических взглядов. Они считали, что если народ будет иметь право выбора, то он выберет ту политическую ориентацию, которую считает правильной. Для проведения этой политической позиции в жизнь есть орган – Съезд народных депутатов, который реализует ее как высший орган государственной власти. И таким образом будущее развитие России в любом направлении, каким бы его ни видели представители тех или иных конкретных партий, будет определяться непосредственно волей народа. Эта позиция цементировала самые разные по политическим взглядам силы и объединяла их в политическое движение демократов. И именно потому, что народ России поверил в их искренность, в 1990–1991 годах они одержали идеологическую победу над гораздо более организованной и массовой КПСС.

² Любарев А. Выборы в Москве: опыт 12 лет // <http://lyubarev.narod.ru/elect/book/ch2-6.htm>.

³ Лентапедия: <http://lenta.ru/lib/14159799/full.htm>.

1.2. Власть брошена

Сразу же после того как демократы овладели государственной властью в Российской Федерации, положение в СССР, казалось бы, начало развиваться по их сценарию. В августе 1991 года произошло то, что позднее получило название Августовский путч. Фактически это была попытка ортодоксальных деятелей традиционной КПСС развернуть ситуацию с перестройкой, которая привела к дестабилизации и разложению социалистической системы, и хотя бы вернуть ситуацию в круги старого, накатанного, уже испытанного советского строя. Дать задний ход, раз перестройка не удалась.

Но для того чтобы дать задний ход, надо обладать не меньшей стойкостью и моральными качествами, чем для перестройки. Очевидно, что этих качеств не было уже не только у Горбачева, но и у верхушки КПСС в целом, почему, собственно, она и разложилась. Как следствие – объявившие августовский путч так и не смогли реализовать его до конца и в результате как-то бессовестно сдались на милость своим противникам.

В 1991 году, если сравнивать эту ситуацию с 1993 годом, у властей было гораздо больше возможностей для того, чтобы силовым образом подавить любую оппозицию в Белом доме, но аппаратчики КПСС на это не пошли. У них на это просто не хватило духу, а, проще говоря, смелости взять на себя ответственность. Каждый из них боялся этой ответственности, ждал, что за него это сделает кто-то другой, и если события вдруг развернутся не в том ключе, как предполагалось, то можно спрятаться в кусты. То есть проделать нечто вроде того, чем обесмертил себя в истории Руцкой, показав, как он защищал Конституцию РСФСР с автоматом в фабричной смазке – свидетельством того, что из него не было сделано ни одного выстрела. Примерно так же трусливо августовские путчисты защищали советский строй.

Собственно, в 1993 году ситуация была отчасти похожая, но у тех, кто подавлял октябрьское восстание в Москве, было гораздо больше решимости, к тому же этому способствовали определенные международные силы, о чем речь еще впереди.

Во всяком случае, в 1991 году возврата к доперестроечному советскому строю не случилось, поэтому ситуация выглядела парадоксальной. С одной стороны, существовали небольшие демократические партии, как обручем стянутые оргструктурами ДемРоссии, а с другой – существовала огромная махина КПСС со своим российским аналогом – КПрФ, которая, струсив, так далеко забилась в кусты, что ее было не видно и не слышно, как будто она вообще перестала существовать. Поэтому вставший вопрос о роспуске КПСС-КПрФ стал уже чисто формальным, поскольку ее руководство фактически сбежало от своей партии, утратив всякую возможность к сопротивлению. Сложилась ситуация, схожая с той, которую Ю.И.Мухин описывает при гибели Польши в 1939 году, когда руководство страны тоже попросту сбежало, бросив свою армию и народ.

Примерно то же самое случилось и с руководством КПСС. В итоге Демократическая Россия осталась единственной реальной политической силой в России. Лучшей тому иллюстрацией является история с так называемым Беловежским путчем – подписанием трехстороннего соглашения между Россией, Украиной и Белоруссией о роспуске Советского Союза в декабре 1991 года. С юридической точки зрения это соглашение было полнейшей бессмыслицей, поскольку Советский Союз как образование, основанное на договоре между союзными республиками, существовал только до 1924 года, до принятия первой Советской Конституции. Договор о создании СССР – это договор 1922 года, который в 1924 году прекратил свое действие в связи с созданием Союза ССР как единого государства и соответственно с созданием единой Советской Конституции.

Естественно, что в 1991 году никто не рвался это объяснять широким массам. Просто этот договор, якобы существующий, но на самом деле давно прекративший свое существование, вдруг объявили действующим и как бы его расторгли. Мол, захотели – заключили договор, расхотели – прекратили.

Этот юридический блеф, что тоже характерно, был принят и поддержан всем так называемым мировым сообществом, конкретно западными странами во главе с Соединенными Штатами.

Для понимания неординарности такого подхода стоит напомнить, что в свое время Соединенные Штаты не поддерживали и формально не согласились с присоединением Прибалтики к Советскому Союзу в 1940 г. и продолжали поддерживать с СССР дипломатические отношения, не считая при этом Прибалтику частью Советского Союза. Такой вот был политический парадокс на протяжении десятилетий. И если исходить из тех же критериев юридической и политической принципиальности, очевидно, они должны были бы не признавать и раздел Советского Союза, поскольку с юридической точки зрения он был абсолютно незаконен.

Но этого, разумеется, не случилось, так как политический интерес США как раз состоял в разделе Советского Союза, а если выразиться точнее, то в его уничтожении как геополитического противника. При этом раздел подразумевался как этап к такому «окончательному решению советского вопроса». Те, кто имел дело с Демократической Россией того времени, пользовавшейся все более открытой и откровенной государственной поддержкой США, помнит, что политический курс на раздел Советского Союза был в то время своего рода пропуском к спонсированию любой политической организации в СССР с американской стороны.

Вспоминается казус 1990 года, когда Ельцин в пору очередной волны притеснений русских в Эстонии позволил себе высказаться в том духе, что, мол, Россия их не оставит. Товарищи из вашингтонского обкома через своих парторгов из ДемРоссии быстро растолковали ему, какие нужно иметь взгляды, если хочешь остаться во главе демократического движения. И через пару дней привыкший еще с молодых соплей схватывать на лету вышестоящие указания Борис Николаевич публично развернулся на 180°, объявив, что залог обеспечения прав русских – независимая Эстония...

Это очень важно подчеркнуть сейчас, потому что ныне США стараются всячески откреститься от того, что они каким-то образом способствовали разделу СССР. Будто бы он произошел как бы сам собой, помимо их воли и влияния, и вызвал в американском руководстве чуть ли не сожаление о происшедшем. Во всяком случае, в последнем выступлении американского посла, которое я видел по Российскому телевидению летом 2007 г., высказывалась именно такая точка зрения.

Кроме того, Беловежское соглашение по нормам действовавшей тогда российской Конституции должно было быть одобрено Съездом народных депутатов, поскольку это был договор, предусматривавший изменение конституционного устройства Российской Федерации как части СССР. А изменение Конституции было в компетенции исключительно Съезда народных депутатов.

Однако это соглашение на протяжении всего периода времени вплоть до государственного переворота 1993 года президентская команда так и не осмелилась вынести на обсуждение Съезда народных депутатов, хотя в апреле 1992 года состоялся VI Съезд, в декабре 1992 года – VII Съезд народных депутатов, в марте 1993 года VIII и IX Съезды. Ни на одном из них Беловежские соглашения так и не были выставлены на ратификацию. То есть юридически так и остались недействительными.

Примечательный штрих. Когда в декабре 1991 года сразу после их подписания они были вынесены на одобрение Верховного совета России (что было необходимым этапом

перед их представлением Съезду народных депутатов), за них проголосовало большинство членов Верховного совета. Причем среди этого большинства оказались почти все члены фракции коммунистов России; это лишь подчеркивает тот факт, что тотальная победа демократов в 1991 году происходила при полной деградации КПСС, которая разлагалась прямо на глазах и толпами сдавалась на политическую милость победителей.

1.3. Раскол победителей

И вот именно в этот момент оказалось, что виды на случившуюся победу у демократов разные. Поскольку в самой ДемРоссии все-таки далеко не все стояли на позиции, настойчиво навязываемой из-за рубежа и состоявшей в том, что главной победой демократии должно стать разрушение Советского Союза.

В Демократической России в это время обозначились два потока. Первый полностью находился на западных позициях. В нем состояло организационное ядро ДемРоссии и именно из него вышли все видные демократы, занявшие затем государственные посты, как то: Гайдар, Чубайс, Степашин и т. п. А второй поток состоял из тех, кто был привлечен в Демократическую Россию собственно демократическим процессом, но кто вовсе не ставил себе задачу разрушения Советского Союза как формы российского государства.

Государственная дестабилизация, или, как ее тогда деликатно называли, «демонтаж СССР», шла как бы вторым планом за достижением демократических перемен, которую Демократическая Россия, естественно, выставляла как свою основную задачу.

До тех пор, пока шла борьба за демократию с КПСС, эта вторая задача в демократической пропаганде практически не проявлялась. Однако с разложением КПСС-КПРФ она вышла на оперативный простор. Да и западные спонсоры требовали оплатить политические счета своего идеологического ленд-лиза. И вот эта вторая задача оказалась далеко не всем демократам по вкусу. По сути именно она привела вначале к расколу, а затем и к политическому краху ДемРоссии.

Надо сказать, что в ту пору иностранное политическое вмешательство во внутренние дела России носило крайне простой и незатейливый характер. В это время я был в руководстве Конституционно-Демократической партии, которая также входила ранее в Демократическую Россию; точнее, я начал в ней состоять тогда, когда она уже вышла из этого объединения. Так вот, помню, был момент, когда к нам в штаб-квартиру КДП пришел резидент ЦРУ в Москве собственной персоной. Это был достаточно симпатичный мулат, крайне вежливый, хорошо говорящий по-русски. Он пришел к нам, представился именно как резидент ЦРУ, и стал интересоваться, какова наша политическая позиция по самым разным вопросам. В первую очередь, относительно раздела Советского Союза. С нами не спорил, просто выяснял наши взгляды.

Беседа шла где-то часа полтора, после чего он поблагодарил, откланялся и ушел.

Само собой, после того, как наша позиция была изложена, а она была далеко не тождественна американской линии на раздел СССР, о которой нам также было хорошо известно, никаких дальнейших контактов резидента с нами не было. Но где-то же он нашел понимание! И выяснил, на кого можно делать ставку, а на кого нет. Во всяком случае, для нас после этой беседы было очевидно, что этот контакт был вызван не простым любопытством, а задан необходимостью прощупать, на кого можно опереться на очередном этапе политической интервенции.

Тот период я бы назвал временем демократического беспредела. Для примера приведу такой факт. В Москве тогда оставалось множество союзных министерств, которые с разделом Союза, тотальной либерализацией и демократизацией фактически оказались совершенно не у дел. Хотя они и продолжали сидеть на массе материалов, в том числе и секретных, которые относились к различным областям советской экономики. И вот как-то по служебным делам я зашел в здание одного из этих министерств в центре, в районе Тверской. В ту пору в министерских зданиях уже действовали какие-то частные полупредприятия-полукооперативы, которые арендовали министерские площади и за счет которых работники министерств находили средства к существованию. Идя в одно из таких предприятий, я

вдруг увидел, как в конце длинного министерского коридора (а в здание министерства вход еще был по пропускам) стоят два морских пехотинца США в полной форме. Ошалев от этой картины, я спросил у проходивших сотрудников, что, собственно, происходит. Оказалось, что угол в этом министерстве снимает посольство Соединенных Штатов. Но самое любопытное – зачем.

Было объявлено, что правительство США предоставляет гранты на научные разработки, для чего предлагает всем работникам этого министерства и подведомственных ему предприятий приносить туда свои научные изыскания. Причем, с учетом специфики деятельности министерства было ясно, что эти изыскания имеют секретный характер. И якобы на основании их научной ценности будет вынесено решение, предоставить ли грант – несколько тысяч долларов – на их дальнейшее проведение или нет. Вот такая вот помесь конверсии с либерализацией.

Естественно, туда потянулись обнищавшие работники этих министерств и ученые со своими секретными разработками. Их документы тут же ксерокопировались и посылались через спутниковую антенну прямиком в Соединенные Штаты. Якобы для принятия решений.

Более явного и наглого способа выкачки секретной информации из страны было даже трудно себе представить. Поняв, о чем идет речь, я буквально обалдел. Но это происходило с ведома и при покровительстве демократических властей России прямо в ее столице, непосредственно в центре, управлявшем научно-техническим потенциалом страны.

Все это к тому, что политическая победа демократов стала отнюдь не просто победой демократии. Это была еще победа тех, кто финансировал Демократическую Россию, и после победы они торопились получить свои дивиденды. А должники, то бишь демократы, севшие на государственные должности, расплачивались с ними государственными интересами России.

Кстати, чтобы закончить историю со спутниковой антенной и морскими пехотинцами в советском министерстве. Естественно, я был не единственный сообразивший, что и для чего здесь делается. Но когда я спросил об этом работников министерства, они отреагировали просто: «Чего вы за наши секреты беспокоитесь, когда такая же антенна установлена прямо в зданиях ЦК КПСС, на Старой площади? Оттуда не то что секреты, а государственные тайны идут прямым потоком в Вашингтон».

Да, нам не раз твердили, что Советский Союз проиграл холодную войну. Но вряд ли кто ожидал, что ее проигрыш выльется в настоящий оккупационный режим.

В этот момент, казалось бы, тотального торжества демократии, когда стало возможным все – и присутствие морских пехотинцев в здании советского министерства, и полная свобода рук для резидента ЦРУ в Москве, – казалось бы, в этот момент должен был наступить долгожданный расцвет демократии. Главную объявленную цель Демократической России сейчас можно было осуществить спокойно и без всяких ограничений. И самым странным для многих из тех, кто из честных побуждений верил в эту цель, было то, что как раз именно в этот момент демократия и стала сворачиваться.

В частности, Ельцин как президент и лидер демократического движения на V Съезде народных депутатов, проходившем в ноябре – декабре 1991 года, потребовал для себя чрезвычайных полномочий сроком на год. Ввиду трудностей переходного периода. Причем, эти полномочия означали, что указы президента могли противоречить российским законам! Буквально в последний момент этот беспредел был смягчен лишь одной косметической поправкой: если Верховный Совет не проголосует против этого указа в течение недели⁴. Иначе он вступает в законную силу. Но так как Верховный Совет, а уж тем более Съезд собирался

⁴ Вспомним о ваучере. Личные деньги, 1.10.2007.

периодически, а президент и его окружение действовали постоянно, каждый день, то это реально означало президентское правление без какого-либо контроля.

Кстати, как тут же выяснилось, эти чрезвычайные полномочия нужны были в первую очередь для подписания Беловежских соглашений о разделе СССР. Поскольку понятно, что такие вопросы в один миг не решаются, стало очевидным, что Ельцин и его команда прекрасно знали, для чего именно нужны им эти полномочия, но, естественно, добиваясь их, не обмолвились об этом ни словом.

Для искренних демократов это было первым шоком.

1.4. Вождь демократов

Вторым стало то, что в свое время Ельцин, когда шел к власти, не просто просил поддержки у ДемРоссии, но и обещал, что его президентская деятельность будет опираться на широкое сотрудничество с демократическими партиями. После августовского путча был организован даже некий партийный Совет при президенте. Однако этот Совет очень быстро приказал долго жить, и никакой политической роли в дальнейшем не играл, и после нескольких заседаний его просто прекратили созывать. И на то были реальные причины.

Например, среди способов реализации демократических завоеваний, которые предлагали члены этого Совета, было введение избираемости судей народом. Как это практикуется, например в США. Здесь даже не надо было думать, практикуется или не практикуется это в мире. За модель для копирования можно было взять американскую модель, считавшуюся тогда чуть ли не апофеозом демократии. Тем более что тогда уже были в ходу идеи разделения властей по американскому образцу.

Так вот, в США это разделение достигается, в частности, тем, что судей выбирают точно так же, как и депутатов. Из профессионалов-юристов, но избиратели их округа, те самые, которых они затем будут судить. И при этом понятно, что тех, кто судит за взятки или по команде сверху, на свою должность ни в этом, ни в другом округе не изберут.

Схема простая и понятная, но президентская команда отказалась пойти на нее наотрез. Под любым предлогом. Не готовы, не созрели, у нас другие традиции, давайте защитим статус судей, дадим им какие-то гарантии, только не избрание их путем народного голосования. На фоне только что одержанной победы такое торможение демократии смотрелось дико. Становилось очевидным, что для Ельцина и его свиты демократия была не более чем политической игрой.

К слову сказать, для тех, кто видел и контактировал с Ельциным в этот период (а это был все более и более широкий круг людей, во всяком случае, шире, чем кулуары ЦК КПСС или министерства, в котором он оказался после того, как его вывели из ЦК КПСС), так вот, достаточно широкий круг людей увидел, что этот человек, ставший лидером России, по сути, слабо вмняем в силу постоянного алкогольного отупения.

Я припоминаю, например, такой эпизод. На VII Съезде народных депутатов в декабре 1992 года ни одно заседание Съезда Ельцин не просидел целиком. Он либо выступал, затем сразу же уходил, либо появлялся на своем месте в начале заседания на короткое время, потом опять же пропадал, либо появлялся, чтобы сделать какое-то короткое заявление, после чего опять же уходил. Одним словом, постоянно на Съезде он не присутствовал. Дела у него были или что-то другое – из зала было не понять. Но вот, в один из таких заходов, он посидел некоторое время на своей специальной президентской трибунке (она стояла не в президиуме Съезда, а как бы рядом с ним), после чего наступил перерыв, и Ельцин решил выйти из Большого Зала Кремлевского Дворца не какими-то дальними кулуарами, а через общий коридор, в котором обычно толпились выходившие с заседания делегаты и гости Съезда. В этом коридоре оказался и я, и увидел, как мимо проходит Ельцин.

Это было впечатляющее зрелище. Во-первых, потому, что он был окружен плотнейшим кольцом охраны, которая фактически расталкивала всех, кто попадался на пути следования президента, в то время как тот шел в середине, в образовавшемся небольшом пятчке. Во-вторых, что меня поразило еще больше, президент шел какой-то особой походкой, чем-то схожей с поступью циркового медведя на задних лапах: неустойчивой, переваливающейся с ноги на ногу. При этом к его лицу как бы приклеилась какая-то глуповатая улыбка. В тот момент я оказался притиснутым к известному демократическому депутату Травкину и спросил, не обращаясь специально к нему, а так, как бы в воздух: «Он что, пьяный, что ли?» На

что последовал ответ, также обращенный не ко мне, а скорее вырвавшийся сам по себе: «В дымину!...»

То есть состояние президента, которое я увидел впервые, на самом деле для окружавших его людей не было каким-то неестественным. О пристрастии Ельцина они знали и понимали, что он не в состоянии уже принимать самостоятельно какие-либо решения, потому что этого просто не позволяло его физическое состояние.

Из тех же воспоминаний о VII Съезде всплывает еще такой случай. Как-то раз на одном из заседаний по поводу разгоревшейся дискуссии выступил Ельцин. Он вышел, прочитал свою речь по бумажке в течение 3–5 минут, достаточно эмоциональную, с его мощными знаменитыми паузами и ударениями, после чего вернулся на свое место, а еще чуть позднее вовсе покинул заседание. Кстати, на этом Съезде речь шла как раз о прекращении его чрезвычайных президентских полномочий. Это ему чрезвычайно не нравилось, именно вокруг этого и шла дискуссия Съезда: поддерживавшие его демократы пытались продлить ему эти полномочия.

Прослушав речь Ельцина, я не стал ждать окончания заседания и с плотской целью побыстрее прорваться к буфету, пока не хлынула выходящая с заседания толпа народа, вышел в коридор. Рядом с буфетом было что-то вроде информационного стенда, где вывешивались разные материалы Съезда. Среди прочих я увидел только что произнесенную речь президента. Еще отметил – насколько оперативно! Подошел, прочитал ее. И только отойдя, спустя несколько мгновений до меня дошло – что я прочитал! Я рванул назад, чтобы сорвать этот листок и сохранить его на память. Но кто-то успел это сделать до меня. И ведь было что сохранять! Это была копия непосредственно того, что Ельцин читал с трибуны, той самой бумажки, что лежала перед ним. Но это были необычные полторы страницы бумаги. Выступление с речью, написанной заранее, – эка невидаль! Но вопрос – как оно было написано. Помимо крупного шрифта для чтения с трибуны, в тексте особым образом были представлены эмоциональные всплески и затухания самой речи. То есть, если надо было сказать «ну вот», сделав на втором слове ударение, то это «вот» писалось как «воооот». По сути, нужно было просто прочитать даже не текст, а его звуковую транскрипцию, чтобы получилась некая взволнованная речь с придыханиями, паузами, акцентами и т. д. Сам выступавший с трибуны в нее уже никакого смысла или души не вкладывал: он был лишь читальной машиной. В тот период, видя состояние Ельцина, я, как и многие, предполагал, что реально решения принимает уже не он сам, а скорее стоящая за ним клика. Но то, что она манипулирует не только его словами, но даже эмоциями, – это было потрясающее открытие, сделанное на Съезде.

Неудивительно, что именно в этот период произошел раскол Демократической России. Из нее вышла масса честных демократов, которые поняли, что от этой власти никакой демократии не дожидаться, можно дожидаться только национального разрушения.

1.5. Съезд разворачивается

Итак, в тот момент, когда ДемРоссия как политическая организация, сориентированная на разрушение Советского Союза, получила все козыри в свои руки, поскольку союзная власть ввиду трусости лидеров КПСС-КПРФ фактически уже не существовала; в тот момент, когда Ельцин и компания могли, казалось, осуществить все, что хотели, – именно в этот момент Съезд народных депутатов России начал разворачиваться вспять. Для демократов это было шоковое явление, потому что в той схеме, которую создал Горбачев для Союза ССР и которая была воспроизведена в российских условиях, Съезду народных депутатов, хотя и высшему органу государственной власти, обладающему всеми возможными полномочиями, отводилась скорее вспомогательная роль. Горбачевская идея состояла в том, что Съезд народных депутатов, собираясь раз или два в году, будет просто штамповать те решения, которые принимает Верховный совет, а сам Верховный совет будет избираться на постоянно действующей основе, как и Верховный совет СССР. Кстати сказать, он был даже меньше по численности, чем Верховный совет в досъездовский период. Творцы этой идеи полагали, что реальная государственная деятельность будет проходить также кулуарно, как и ранее, но под демократическим ореолом Съезда народных депутатов, который будет просто штамповать эти решения, так как времени на их обсуждения у него просто не останется. По сути, та же схема была воспроизведена в Российской Федерации.

И вот в этот момент обнаружилось, что у Съезда народных депутатов есть свое мнение, и оно выходит далеко за рамки того, чтобы просто штамповать некие законы, которые уже обсудил Верховный совет. Во-вторых, оказалось, что это мнение может меняться с течением времени. Сообразно тому мнению, которое имеют избиратели, то есть вся Россия, по тому или иному вопросу государственной жизни.

Вообще-то, именно в этом и состоит смысл демократии, ее воплощение: донести волю народа до государственной власти и заставить государственную власть действовать так, чтобы воля народа осуществлялась. Съезд народных депутатов неожиданно оказался тем инструментом, который в масштабах России дал возможность донести непосредственную волю избирателей до государственной власти и заставить ее действовать так, как считает нужным народ. Так что с этой точки зрения ничего особенного в том, что Съезд народных депутатов стал действовать сообразно этой народной воле, не было. Но вот с точки зрения тех, кто замыслил этот процесс, и кто предполагал его как некий новый вариант управляемой демократии, с новым облагороженным лицом, но со старыми возможностями и рычагами управления, для них такой оборот дела оказался большим сюрпризом.

К тому же в деятельности Съезда народных депутатов выявилась еще одна неприятная особенность. Депутатов Верховного совета было всего 252 человека на всю Россию. Они работали в Верховном Совете на постоянной основе и, таким образом, как бы получали постоянную работу в Москве. Они обзаводились здесь квартирами, начинали жить, естественно, начинали думать о своих московских интересах уже больше, чем об интересах тех регионов, из которых они вышли, и потому становились людьми, покладистыми для кремлевских властей. Эти люди были гораздо более гибкими и чувствительными к разного рода предложениям о переходе на постоянную государственную службу, то есть в исполнительную власть, подчиненную Кремлю. Иначе говоря, это тот контингент людей, который был объективно склонен к подкупу исполнительной властью. Не в силу какой-то особой подлости натуры, а объективно поставленный жизнью в такие условия.

А вот остальные народные депутаты (в совокупности их было больше тысячи, а членов Верховного Совета из них было меньше четверти), наоборот, постоянно находились в своих регионах, приезжая в Москву лишь на сессии несколько раз в год. Они жили жизнью

своего региона, связи с ним не теряли. Их будущее было не в Москве, а там, и в гораздо большей степени оно зависело от мнения окружающих их людей, чем от блата у кремлевского начальства. Поэтому подкупить каждого из них в отдельности было задачей гораздо более сложной, да и трудно исполнимой, поскольку их было много. Да и далеко не каждый из народных избранников вообще был склонен к подкупу, особенно в то время, ведь все-таки основным мотивом их избрания народными депутатами было стремление повлиять на политические судьбы России, а не прислониться к сытому корыту, как сейчас в Думе. И вообще, пристроить такое количество людей на теплые местечки в органах государственной власти было сложно, ведь государственный аппарат тоже не резиновый.

Для понимания вопроса вот, например, история двух соратников Хасбулатова, его первого зама Сергея Филатова и председателя комитета Верховного Совета по экономической реформе Сергея Красавченко. Их переход с должности народного депутата в администрацию президента напрямую связан с известной аферой с ваучерами⁵.

Дело в том, что приватизация государственной собственности в принципе не имела права осуществляться без санкции Верховного Совета и в дальнейшем Съезда народных депутатов. Соответственно, в аппарате Верховного Совета разрабатывалась совершенно иная схема приватизации, о которой Филатову было хорошо известно. Эта схема не имела ничего общего с ваучерной аферой, задуманной Чубайсом и его соратниками из «правительства реформ». Шансов на ее прохождение через Верховный Совет и Съезд практически не было.

Тогда «реформаторы» тайком подготовили и напечатали ваучеры, пока Верховный Совет находился на каникулах— это происходило летом 1992 года. Затем состряпали президентский указ о введении приватизационных чеков, который согласно чрезвычайным полномочиям Ельцина должен был быть отвергнут Верховным Советом в течение недели, либо вступал в законную силу. И как бы по чистому совпадению направили его для согласования в Верховный Совет как раз тогда, когда в период отпусков там был за главного Филатов. Вкупе с Красавченко они устроили так, чтобы этот указ никому больше на глаза не попадался. И, за отсутствием возражений со стороны Верховного Совета, он через неделю вступил в законную силу. Мавр сделал свое дело, и правительство Гайдара тут же приступило к раздаче ваучеров населению под бравурный марш о том, как каждый россиянин получит на них по стоимости две «Волги». Реальная цена ваучера, как известно, оказалось равной стоимости двух бутылок водки. Когда же депутаты смогли собраться на свое пленарное заседание, оказалось, что приватизация по факту уже совершилась: можно голосовать за ту или иную схему, но чеки уже розданы, и поезд ушел.

Понятно, что «чистым совпадением» является то, что Филатов вскоре получил должность руководителя администрации президента, а Красавченко — его заместителя.

То, что процесс приватизации начинался и проводился вот таким жульническим способом, уже достаточно хорошо показывает, каково в действительности было соотношение между так называемым демократическим правительством России и реальной демократией. Ваучерная приватизация вылилась в грабеж государственной собственности, и именно поэтому ее не хотели представлять на обсуждение ни Верховному Совету, ни Съезду народных депутатов, а осуществили явочным порядком. По сути, не прошло и нескольких месяцев после взятия власти, и те, кого называли демократами, сами начали торпедировать демократию.

Тем не менее Съезд народных депутатов оставался главным и высшим органом государственной власти, то есть мог принимать любые решения. Но что было особенно неприятно, что те чрезвычайные полномочия, которые Ельцин получил в конце 1991 года сроком

⁵ Вспомним о ваучере. Личные деньги, 1.10.2007.

на год после всего, что со страной за этот год случилось, продлить на Съезде народных депутатов было практически нереально. И поэтому уже к концу 1992 года стало ясно, что после окончания этих чрезвычайных полномочий президентская команда попадает в очень неприятную ситуацию. Во-первых, нельзя уже будет безраздельно править, поскольку все свои решения согласно российской Конституции надо будет согласовывать с Верховным Советом и со Съездом народных депутатов, то есть проводить их не в чрезвычайном, а в легальном, предусмотренном законом порядке. А, во-вторых, это становится необычайно трудным после всего, что со страной за этот год случилось, поддержка Ельцина и его команды сокращается среди народных депутатов с каждым днем.

Эволюцию их позиций, а вместе с ней и всей России, легко проследить по работе самих Съездов народных депутатов.

В этом смысле очень показательным был VI Съезд народных депутатов, который происходил весной 1992 года. Как уже упоминалось, с момента подписания Беловежских соглашений они так и оставались фактически нелегальными, поскольку для того, чтобы эти соглашения вступили в законную силу, необходимо было голосование Съезда народных депутатов, ибо эти соглашения предполагали изменение конституционного устройства Российской Федерации как части СССР. Если же учесть, что уже мартовский референдум 1991 года выявил, что больше 70 % жителей Советского Союза выступают за его сохранение, то эти соглашения уже тогда были крайне непопулярны. А поскольку Съезд народных депутатов в отличие от Верховного Совета тесно связан со своими избирателями, стало очевидно, что через Съезд народных депутатов это решение провести будет крайне трудно.

При этом получалось, что если вдруг голосование за Беловежские соглашения не пройдет, то, значит, они будут денонсированы высшим органом государственной власти России, и Советский Союз нельзя признавать распущенным. Таким политическим решением демократы рисковать не могли, да и их американские спонсоры им бы этого не позволили.

Поэтому демократы решили как бы изъять Советский Союз из Конституции Российской Федерации по частям. Иначе говоря, изменить в соответствии с духом Беловежских соглашений все те статьи Конституции, в которых говорилось о том, что Российская Федерация является частью Союза ССР и таким образом провести голосование по Беловежским соглашениям как бы де-факто: мол, в российской Конституции больше нет статей, в которых говорится, что Российская Федерация – это часть Советского Союза. А раз так, то и выставлять их на голосование Съезда не нужно. Такова была схема. Очень скользкая с юридической точки зрения, но единственная, которая оставалась.

И вот на VI Съезде народных депутатов шла упорная борьба за то, чтобы изъять из различных статей Конституции Российской Федерации упоминания о Советском Союзе в самых разных контекстах. Причем подавалось это под самыми разными соусами: то под приведением в соответствие, то еще под какими-то совсем невинными. Но самой главной оставалась 6 статья Российской Конституции, в которой прямо говорилось, что Российская Федерация является частью Союза ССР. И вот на VI Съезде народных депутатов изъять эту статью из Конституции Российской Федерации так и не удалось. Ситуация, которая еще в ноябре 1991 года казалась немыслимой, потому что тогда поддержка Ельцина со стороны Съезда народных депутатов после августовского путча 1991 года была практически тотальной.

Это означало, что если на следующем – VII Съезде народных депутатов в декабре 1992 года не удастся продлить чрезвычайные полномочия Ельцина, то его политический крах не за горами. Тем более что для большинства народных депутатов провальная политика с тотальным разорением населения, с изъятием у него всех доходов, с фантастической инфляцией, которая сожрала все сбережения, была связана тесно с правительством Гайдара. А с этим правительством четко ассоциировал себя Ельцин, всячески его поддерживал, ставил

между собой и этим правительством знак равенства. Само же правительство держалось у власти только на чрезвычайных полномочиях Ельцина (именно поэтому Гайдар всегда формально оставался и.о. председателя правительства), поскольку для занятия этой должности ему нужно было пройти через утверждение Съездом, а на это шансов, да еще и после года столь лихих реформ, просто не было.

А это, в свою очередь, значило, что этому правительству придется уйти, а вместе с ним и политику в той или иной части придется менять. Вот такая выстраивалась цепочка.

Поэтому в тот период, во второй половине 1992 года шла отчаянная борьба за дату созыва Съезда народных депутатов, ибо чрезвычайные полномочия были даны Ельцину до 1 декабря 1992 года. Таким образом, позиция президентской компании была в том, чтобы провести Съезд, например, в ноябре или октябре 1992 года, и, не поднимая на нем вопрос о полномочиях, как бы автоматически их продлить. То есть изобразить дело так, будто бы Съезд не принял решения об окончании чрезвычайных полномочий, об этом как бы все забыли, и потому они продолжают сами по себе. Или же провести Съезд после 1 декабря, то есть когда уже стало бы ясно, что по факту эти полномочия все равно продолжают осуществляться.

Тем не менее Съезд удалось все-таки назначить на 1 декабря 1992 года. Высший орган государственной власти соответственно принял постановление о том, что чрезвычайные полномочия президента закончились, из чего следовало, что эти полномочия не возобновляются. И отсюда вопрос – что будет дальше с правительством Гайдара – стал тоже очевидным. Выставлять его на голосование на Съезде народных депутатов было вещью заведомо провальной. Тем не менее Ельцин попытался это сделать, причем два раза. После третьего раза полагался то ли роспуск Съезда, то ли еще что-то, – мера, на которую он пойти тоже не мог, потому что понимал, что при этой Конституции и при этой системе выборов народных депутатов настроения вновь избранных депутатов будут еще более радикальными, чем тех, которые были избраны в 1990 году. Таким образом, появилось правительство Черномырдина, а правительство Гайдара ушло в отставку.

В результате в декабре 1992 года, когда Съезд прошел и чрезвычайных полномочий сохранить не удалось, «правительство реформ» пришлось отправить в отставку. Ельцину и его команде стало очевидно, что с этим Съездом им не ужиться. Потому что если и дальше события будут развиваться в том же русле, а реформы никто не собирался останавливать на половине пути, ни демократы, ни их старшие товарищи из вашингтонского обкома, то кончатся они тем, что Россия еще более радикализуется, а Съезд вслед за ней рано или поздно объявит Ельцину импичмент, то есть отстранит его от должности. Стало ясно, что весь этот процесс разрушения страны изнутри, выполнявшийся при помощи так называемых демократов, будет обрушен демократической процедурой, на которую Съезд имел конституционное право и реальную возможность его осуществить. Во всяком случае, народные депутаты вполне были способны реализовать эту меру где-то в ближайшем будущем.

Нужно отметить, что с точки зрения выборности органов государственной власти, сам по себе процесс импичмента есть вещь совершенно естественная. Более того, это высшее олицетворение демократии. Депутаты, избранные народом, которые всецело поддерживали Ельцина тогда, когда он давал обещания стране, после того как эти обещания не выполнены, были в состоянии конституционно отстранить от должности политически обанкротившегося президента. То, что этот чрезвычайно тонкий и деликатный инструмент соответствия воли народа и возможности управлять государственной властью реализовался на Съезде народных депутатов, было, возможно, случайной, но очень впечатляющей победой демократии.

И именно эта победа демократии, именно эта возможность реализации демократических принципов ельцинскими демократами воспринималась как главная угроза их власти!

Иначе говоря, уже в декабре 1992 года они поняли, что демократия в подлинном своем виде является их главным врагом, и для того, чтобы провести свою политическую линию, им надо эту демократию свернуть, приструнить, обнулить. Вот такой неожиданный итог подвели демократы на рубеже 1993 года.

1.6. Дрессировка демократии

После VII Съезда народных депутатов, то есть с декабря 1992 года, стало ясно, что так называемому демократическому правительству Ельцина во главе с наследовавшим Гайдару Черномырдиным с демократией не ужиться. И поэтому сценарий дальнейших действий был ими выбран по той же аналогии, по которой они действовали в отношении Союза ССР. То есть, для того чтобы получить верховную власть, надо было сместить Горбачева, соответственно, надо было разрушить Союз ССР.

В этом же случае логика была такова: упразднить Съезд – это отменить действующую Конституцию, а ее отмена означает, что больше не надо будет себя связывать никакими демократическими нормами, то есть править практически бесконтрольно.

Конечно, осуществить это было трудно. Дело было не только в том, что по действующей Конституции именно Съезд народных депутатов, а не президент, являлся высшим органом государственной власти. Ко всему прочему, при вступлении в должность президент приносил клятву исполнять эту Конституцию. Собственно, кроме этого президент ни в чем не клянется. Как в России, так и во всем мире. Ритуальная фраза. Но в этих условиях она стала ключевой.

Отсюда взялось известное изречение Ельцина, что мол я эту Конституцию исполнять не буду, поскольку в нее уже внесли больше трехсот поправок, и это уже не та Конституция, которой я присягал. Это была правда, но не вся правда. А, как известно, лучшие сорта лжи получаются именно из полуправды. В данном случае она состояла в том, что из трехсот принятых поправок в Конституцию РСФСР более двухсот были внесены именно президентской стороной. Так что пенять на то, что Конституцию на 2/3 переделали именно по его просьбе, было, разумеется, чистой воды демагогией.

В известном смысле это демагогическое высказывание Ельцина напоминало его же обещание лечь на рельсы, чтобы не допустить планировавшегося последним правительством СССР повышения цен на потребительские товары. Однако когда с приходом самого Ельцина к власти, цены абсолютно на все товары взлетели в десятки, а затем и сотни раз, он, не моргнув глазом, заявил, что это не повышение цен, а их либерализация, а уж насчет либерализации он ничего не обещал.

По сути, и в этот раз Ельцину и его сподвижникам надо было сделать как раз то, что они клятвенно обещали не делать – поломать Конституцию России.

В марте 1993 года состоялась первая попытка государственного переворота. По телевидению был зачитан некий указ о приостановлении полномочий Съезда, на что президент, естественно, не имел никакого права. Затем последовала поспешная отмена этого указа и объявление его самим Ельциным буквально на следующий день чуть ли не шуткой. Что же в действительности произошло?

Была сделана первая попытка решить вопрос, так сказать, с налету. Предполагалось, что как только Съезд народных депутатов будет объявлен распущенным, народные депутаты России поведут себя так же, как повело себя большинство народных депутатов Союза ССР, то есть прижмут уши к спине и, как зайцы, разбегутся в разные стороны. Таким образом, Съезд просто окажется несуществующим органом ввиду отсутствия на нем кворума. А вместе с тем и Конституция, провозглашающая Съезд высшим органом государственной власти, уничтожится сама собой.

Но этого не произошло. Съезд народных депутатов СССР созывался по горбачевской схеме: с квотами депутатских мест для общественных организаций, квотами для КПСС, – в общем, доля депутатов, делегированных на Съезд при помощи разных партийных механизмов, составляла не менее трети от их общего числа. А вот Съезд народных депутатов России

весь целиком избирался по избирательным округам, причем, в достаточно жесткой борьбе и на конкурентной основе.

И вот здесь произошло достаточно интересное явление для сравнения действий демократических механизмов в том и в другом случае, в случае Союза ССР и в случае России. Российские депутаты, которые сами боролись за свои места, не разбежались, не стали самораспускаться. Наоборот, сразу же после объявления этого указа был собран чрезвычайный Съезд, на который съехались делегаты со всей страны. Естественно, на этом Съезде был кворум. Антиконституционный переворот, намечавшийся Ельциным, сразу же и полностью провалился, и было решено объявить президентский указ чем-то вроде шутки.

Президенту это было легко сделать ввиду тотальной поддержки возглавляемой им исполнительной власти основными средствами массовой информации. Официальные СМИ, в первую очередь телевидение, поддерживали его полностью по причинам, о которых стоило бы рассказать отдельно, но которые вкратце сводились к следующему.

Когда политический и экономический беспредел стал возможным после победы так называемых демократов и роспуска Союза ССР, тогда же во взаимоотношениях президентской власти со средствами массовой информации, в частности, с телевидением как самым мощным из них, возникла своего рода схема откупов на феодальный манер. Мало того, что все руководство телевидением захватила демократура и ее ставленники. Суть еще в том, что этой демократуре фактически дали лицензию на неограниченное воровство. Прежде всего, доходов от рекламы.

Если кто помнит, именно тогда телевидение начала захлестывать рекламная волна, которая странным образом, несмотря на все более и более возрастающие расценки от рекламы, в официальный бюджет телевидения не попадала. Доходы растекались по образованным при телевидении разного рода рекламным компаниям, которые получали от телеканалов лицензию на то, чтобы вести рекламную деятельность и продавать рекламное время. Они это рекламное время и продавали, но доходы от него шли уже не в телевизионный бюджет, а этим компаниям. Они же этими доходами делились с верхушкой телевидения, которая и определяла ее политическую линию. Государственная власть, в первую очередь – исполнительная, никак в этот процесс не вмешивалась и давала таким образом воровать. В обмен же от СМИ требовалась политическая лояльность.

Естественно, что люди, которые открыто занимаются расхищением и, так сказать, обналичиванием телевизионного времени, это попросту воры. Это надо отчетливо понимать. Я думаю, что они осознавали себя именно таким образом, и именно поэтому президентская власть получила помимо отчетливо демократического, еще и воровской оттенок. Она состояла из людей, связанных общим расхищением общенародной собственности, будь то в виде приватизации или времени на государственном телевидении. И поэтому они поддерживали друг друга уже из корыстно-клановых соображений, а не только из соображений какой-то идеологии.

Естественно, что средства массовой информации полностью поддерживали Ельцина, а, соответственно, они же и представляли эту попытку государственного переворота как какую-то неудачно понятую шутку. Вроде кто-то погрозил спяну пальцем, брякнул что-то, а его неправильно поняли. Хотя те, кто видел это телевизионное обращение, могли констатировать, что понять его можно было однозначно. Говорил отнюдь не новогодний Дед Мороз, все было вполне серьезно, и попытка государственного переворота была весьма реальной. Так или иначе, она не удалась.

Однако она имела весьма любопытные последствия. На последовавшем Съезде народных депутатов одна из фракций народных депутатов, кажется «Смена – Новая политика», предложила очень короткую и лихую поправку в Конституцию, непосредственно связанную с этой попыткой государственного переворота. Согласно ей президент в случае, если

он попытается распустить любой законно избранный орган власти, автоматически лишается своих полномочий. Текст поправки был краток, а смысл вполне ясен. Только что переживших несостоявшийся президентский путч депутатов не нужно было долго уговаривать, и они мигом за нее проголосовали, причем конституционным большинством. Ельцинские демократы только разинули рот, но ничего сделать не смогли, и эта поправка была внесена в Конституцию.

После нее всякие подобные попытки роспуска Съезда, если бы они состоялись, грозили Ельцину немедленным отлучением от власти сразу же, просто вследствие такой попытки. Стало понятно, что дальше ему можно было действовать в этом направлении только наверняка.

Поэтому вторая попытка разгона Съезда народных депутатов России, которая состоялась в августе 1993 года, носила очень оригинальный характер. Многие историки ее даже не заметили, а может быть, и не поняли, какое ей придавалось значение. Свидетелем и отчасти действующим лицом этой попытки был я сам. Она состояла в том, чтобы разогнать Верховный Совет России и Съезд народных депутатов как бы руками самого народа.

Я достаточно подробно писал об этом в своей статье «За что и как боролся ФНС»⁶. Речь шла о том, что во вторую годовщину так называемого августовского путча, то есть в середине августа 1993 года, мы, то есть Фронт национального спасения, стали получать информацию, из которой следовало, что различные организации демократов собирают своих активистов по всем провинциям России и свозят их в Москву. Якобы на празднование второй годовщины августовской победы. Мы эти организации достаточно хорошо знали и понимали, что просто так спонсировать поездки в Москву всей этой публики они не будут. Все эти союзы ветеранов путча выродились к тому времени в довольно карикатурные организации, поскольку большинство людей, которые в 91-м искренне боролись за демократию, уже к тому времени поняли, что на самом деле представляет собой демократическая власть, и собрать их на какой-то митинг в поддержку демократов Ельцина было уже практически невозможно. С другой стороны, то, что этих людей свозят со всей страны, они обеспечиваются жильем, то есть им оплачивают проезд и все остальное, – все это означало, что в это дело кто-то вкладывает серьезные средства и, скорее всего, не для того чтобы просто обеспечить праздник массовым участием. Тем более что первая годовщина этой победы прошла совсем незаметно, без подобных манифестаций.

Все это выглядело достаточно подозрительно особенно потому, что апофеозом этого демократического сблища был намечен митинг непосредственно возле здания Верховного Совета России. Надо сказать, что тогда Белый дом, в котором он находился, не был огорожен никаким забором. Забор появился уже после государственного переворота октября 1993 года. А на тот момент это было доступное со всех сторон здание.

Когда выяснилось, что демократы, враждебно настроенные к Верховному Совету, собираются на площади Свободной России провести свой митинг, сразу же возникло подозрение, что это неспроста. Я в то время оставался во главе Фронта национального спасения, поскольку большинство членов Политсовета было в разного рода разъездах и отпусках. Мне стало ясно, что наступает критический момент, когда нужно готовить проведение собственного митинга защитников Верховного Совета.

Собственно, мы разгадали замысел демократов: собрать с самой легкодоступной стороны Белого дома толпу своих и кинуть клич: «Ату, ребята, этот Верховный Совет!» Толпа бросится в здание Верховного Совета, разобьет стеклянные двери, ворвется в него, и тут уж президент выступит через подвластные ему средства массовой информации с сообщением, что, мол, я не могу по закону разогнать Верховный Совет, так народ сам это сделал.

⁶ «Дуэль» № 6(28) 25.03.1997.

А там здание закрыто, охрана сменена, туда никого не пускают, и, таким образом, вроде и президент не нарушил Конституцию, его отстранять не за что, и Верховного Совета вместе с тем нет. А раз нет Верховного Совета, то некому и созвать Съезд народных депутатов. И Конституция больше не действует.

По этой причине мы с другой стороны здания Верховного Совета организовали свой митинг. Нам с большим скрипом разрешили его провести, хотя тогда действовал не разрешительный, а просто уведомительный порядок проведения митингов. Я помню, как представители московской мэрии и президентской администрации оказывали на меня бешеное давление как на организатора этого митинга и ответственного за его проведение с тем, чтобы до 4 часов дня его свернуть, поскольку на 6 вечера был назначен митинг демократов на площади Свободной России. Он начался параллельно с нами возле здания московской мэрии, а затем, когда мы уже должны были очистить площадку у здания Верховного Совета, демократы собирались пройти торжественным маршем на площадь Свободной России и далее осуществить свой сценарий. Именно поэтому мы не поддались давлению и митинг в 4 часа не закончили. На нас давили, грозили, но разгонять митинг не посмели. После этого мэрия даже подала на меня в суд за то, что я нарушил сроки проведения митинга. Но тем не менее мы продолжали наш митинг до тех пор, пока демократы не закончили свой. В результате они так и не посмели появиться на площади Свободной России, а тем более предпринять попытку захватить Верховный Совет.

Август закончился, собранное демократическое войско разъехалось по домам. Стало ясно, что дальше у президентской команды не осталось никакой легальной возможности разогнать ненавистный ему орган власти и отменить Конституцию. Ситуация в стране стремительно ухудшалась и в экономическом, и в политическом плане. Было понятно, что депутаты Съезда становятся все более и более радикально настроенными по отношению к президентской команде, ибо последние демократические иллюзии таяли как дым. Было ясно, что на следующем Съезде народных депутатов, который планировалось провести в ноябре 1993 года, вполне может быть поставлен вопрос об импичменте президента, и было вовсе не очевидно, что он не пройдет. Для импичмента было необходимо две трети голосов депутатов. Но после всего того, что было совершено со страной и со Съездом народных депутатов, понятно было, что депутаты со вниманием отнесутся к идее отстранения Ельцина от власти. Разумеется, если к тому времени он не сменит губительный для страны курс. Но, очевидно, это было уже не в ельцинской власти, ибо те, на кого он опирался, просто не позволили бы ему это сделать.

Поэтому спешно стали готовить третью попытку государственного переворота. К делу подошли уже совершенно серьезно, по-военному. Во-первых, в Москву из разных городов стали стягиваться разные мелкие группы омовцев, подобранные по идеологическому принципу приверженности действующей президентской власти. Эти отряды базировались в разных точках Москвы, где усиленно шли совместные тренировки. Эти сводные отряды нужны были еще и для того, чтобы люди не приезжали со своим сложившимся корпоративным мышлением, чтобы они меньше были подвержены влиянию друг друга и своих старых товарищей. Важно было, чтобы они не были спаяны какими-то неформальными связями в коллективе, в таком случае им труднее будет сопротивляться антиконституционным и незаконным приказам.

Параллельно с этим в Москву потянулись так называемые группы «туристов», в первую очередь из Израиля. Это были молодые люди призывного возраста. Естественно, на них обращали внимание сотрудники КГБ (в ту пору Министерства безопасности РФ), но начальством им было запрещено брать их в разработку, иначе говоря – следить за ними. Эти группы приезжали в Москву и словно растворялись в городе. Никто больше ничего о них

не знал – куда они подевались, чем занимаются. Органы защиты государственной власти по политическому приказу сверху не могли контролировать их.

Апофеозом таких уже чисто военных приготовлений был указ № 1400 от 21 сентября 1993 года, который уже без всяких шуток отменял Съезд народных депутатов и приостанавливал действие Конституции до тех пор, пока не будет принята новая. То есть произошел самый настоящий государственный переворот.

Поскольку речь у нас идет о выборах и демократии, я не хочу сейчас останавливаться на перипетиях этого государственного переворота. Я был непосредственным и активным участником этих событий и провел в Верховном Совете всю блокаду, от первого до последнего дня. В момент танкового расстрела Верховного Совета снаряды рвались у меня над головой. Обстоятельства и ход государственного переворота, и, в целом, Октябрьского восстания 1993 года – это отдельная большая тема, которая не уместится в эту книгу.

Хочу лишь поставить акцент на том, ради чего был совершен этот переворот. Задача его была отменить Конституцию и, в первую очередь, Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти именно потому, что он следовал воле народа и имел возможность провести на государственном уровне те изменения, которые народ в то время считал необходимыми. Если в 1990-м году народ считал власть Ельцина отвечающей интересам России, то и Съезд голосовал за решения этой власти. Когда эта власть не оправдала ожидания народа, соответственно, Съезд народных депутатов, состоявший из народных избранников, тесно связанных со своими избирателями, выступил против президентской команды. Именно этот гибкий механизм реагирования и осуществления на государственном уровне воли народа так называемые демократы и собирались поломать путем отмены Конституции. Это было главным.

При этом тот факт, что, по их словам, вместо действующей Конституции ей на смену должна была прийти другая, более демократическая, ничего не значил даже чисто теоретически. Потому что если Конституция такова, что ее можно в любой момент отменить президентским указом и ввести вместо нее какую-либо другую, то это значит, что она уже ничего не стоит. Любая следующая Конституция точно так же и таким же образом может быть отменена, раз уж есть президент, который того желает. Мы сейчас стоим на пороге еще одного такого же конституционного перелома, когда от нынешней Конституции вполне возможно скоро ничего не останется. Потому что если власть или некая сила внутри страны имеет возможность пренебречь основным законом страны – Конституцией – и выбросить его на помойку, значит, этот основной закон и вообще сам принцип конституционного правления, то есть правления по закону, становится лишним.

Таким образом, вопросом государственного переворота 1993 года была даже не сама Конституция – хорошая или плохая, переправленная или в старом варианте, – сколько сам принцип конституционности власти. Если бы этот государственный переворот не удался, то удалось бы защитить принцип конституционной власти, при котором любая следующая Конституция России, если бы она была принята, воспринималась бы всеми ветвями власти и самим народом крайне серьезно, как основной закон, который нарушать нельзя. Поскольку его нарушитель немедленно отстраняется от государственных полномочий. Если же государственный переворот удался, а именно это и произошло, то новая Конституция, какими бы золотыми буквами она ни была написана, фактически не стоит и ломаного гроша.

Лучший тому пример – то, что происходит сегодня, когда нынешняя Конституция нарушается направо и налево, и в частности именно по этой причине. Власть, нарушающая основной закон, знает, что за это нарушение ничего не будет. Фактически Конституция на сегодняшний день является неким фиговым листком, прикрывающим авторитарный режим.

За это в 1993 году и шла борьба: будет ли Россия страной с конституционным устройством или же она станет страной с авторитарным режимом? При помощи средств массо-

вой информации, стоявших на стороне президентского клана, этот режим стал возможным. Далее, после переворота 1993 года, мы уже стали жить в авторитарном режиме с определенным демократическим прикрытием. Сохранялись некие демократические атрибуты, которые действовали до тех пор, пока они не противоречили каким-то существенным интересам власти. Если же они вступали в такое противоречие, то власть их без затей отменяла или же просто плевала на них.

Это самый главный вопрос государственной жизни, который решился в 1993 году после всех демократических перемен конца 80-х – начала 90-х годов. К сожалению, из-за информационной блокады, устроенной специально ради того чтобы не допустить иного развития событий, всю серьезность и важность этого вопроса в тот момент не удалось донести до большинства населения России. Именно поэтому подавляющее большинство людей, не разбирающееся в перипетиях политической борьбы, смогли открыть для себя возрождение тоталитарного характера российской государственной власти уже много лет спустя, если не только сейчас.

Нынешний авторитаризм Кремля был заложен еще тогда, во время государственного переворота 21 сентября – 4 октября 1993 года, когда шла борьба вокруг Верховного Совета. Именно в результате победы ельцинской верхушки этот государственный переворот определил возврат России к новому виду тоталитаризма, уже без коммунистических идеалов и иллюзий, и потому гораздо более циничному.

1.7. Конституция по-президентски

Итак, в результате государственного переворота, который формально был совершен из-за отказа президента исполнять действовавшую Конституцию, было дано обещание принять новый основной закон, точнее – выставить на голосование новую Конституцию.

Вообще вопрос с новой Конституцией Российской Федерации взамен старой советской, в которую было внесено множество поправок, ставился уже достаточно давно, еще на первых Съездах народных депутатов. Была образована конституционная комиссия под председательством Румянцева, которая обсуждала различные проекты новой Конституции. Она работала уже года три. Кроме того, в последние месяцы существования Съезда народных депутатов и Верховного совета Российской Федерации был создан комитет по конституционному законодательству, в котором я работал в качестве ответственного секретаря. Все те проекты Конституции, которые к тому моменту существовали, а их было несколько, рассматривались этими органами.

Надо сказать, что в период обсуждения этих проектов реальные авторы нынешней российской Конституции, например, известный демократ того времени Шейнис, на этих заседаниях, носивших не открытый, а рабочий, кулуарный характер, свое возмущение действующей Конституцией и существующей системой власти высказывали достаточно открыто. Меня тогда поразило, что их возмущение состояло не в том, что Съезд народных депутатов оставил в действующей Конституции упоминание о советской власти. Ни набор или отсутствие в ней каких-либо прав человека, которые в тот момент никто и ни в коей мере не ущемлял. Ни защита средств массовой информации от давления или цензуры. Короче, их не беспокоил ни один из сюжетов, которые СМИ того времени выставляли как главные аргументы для замены Конституции.

Их волновало главным образом то, что Съезд как высший орган государственной власти может отстранить президента, которого сам же этот Съезд в свое время и поддержал, выдвинув его сначала на пост председателя Верховного Совета РСФСР, затем учредив пост президента, который фактически был создан лично под Ельцина, а затем разрешив выборы по сокращенной схеме, в которых фактически мог победить только Ельцин. Все это были шаги, направленные на то, чтобы привести Ельцина к власти. И вот те же самые депутаты, которые привели его к власти, готовы были теперь проголосовать за его импичмент. Вот что демократов возмущало больше всего. Они это интерпретировали так, что, мол, депутаты Съезда нарушают волю своих избирателей. Хотя было ясно, что депутаты как раз таки в наибольшей степени и выражали волю своих избирателей. И это было основной причиной недовольства и Съездом, и вообще существовавшей системой государственной власти.

Основное достоинство Съезда народных депутатов – механизм столь широкого народного представительства с непосредственным воздействием на высшие органы государственной власти – они предполагали устранить из новой Конституции в первую очередь. То есть изъять из Конституции саму идею высшего органа государственной власти вообще, и конкретно Съезда как возможности широкого народного представительства, во-первых, – а, во-вторых, сделать импичмент президенту фактически невозможным. Вот две основные задачи, которая ставилась перед новой Конституцией со стороны президентских сил.

Третья – это довести численность Верховного Совета до управляемого большинства, работающего в Москве на постоянной основе. По уже упоминавшимся выше причинам, приручить таких парламентариев президентской власти было гораздо проще, чем съезжавшихся на Съезд депутатов. Кроме того, они предлагали существенно расширить размеры избирательных округов, чтобы кандидаты более не могли проводить предвыборную кампанию своими силами, как это было при избрании народных депутатов. Таким образом, депутатские

мандаты должны были стать уделом либо состоятельных людей, либо тех, кого поддерживают СМИ. И те, и другие должны были быть на стороне демократов, как им представлялось, если не по классовым, то, по крайней мере, по чисто шкурническим соображениям.

Кроме того, половину депутатов предлагалось избирать по партийным спискам. Вообще, выборы по спискам партий – это система, опробованная оккупационными властями еще в послегитлеровской Западной Германии, потому что она давала возможность фильтровать выбираемых в законодательный орган депутатов через партийный механизм. Иначе говоря, если партия как таковая в целом устраивала оккупационные власти, в первую очередь по критерию послушности, то она допускалась к выборам. Предполагалось, что в избирательные списки партий будут включены только те кандидаты, на которых оккупационные власти дадут добро. При этом исключение из партийных списков неугодного кандидата будет замаскировано под самостоятельное решение общественной организации, на которую эти власти якобы не могут оказать никакого давления.

Если же партия таких условий игры не принимала, то она до выборов вообще не допускалась. Это был механизм так называемой денацификации. Реально же под предлогом борьбы с бывшими нацистами и им сочувствующими (под эту категорию можно было подвести любого жителя Германии), оккупационные власти формировали слой марионеточных политиков.

А в российской действительности эту схему предполагалось применить как механизм, обеспечивающий нужное большинство в парламенте нужным партиям. То есть если половина парламента состоит из представителей партий, а допущены туда будут только те, которые угодны правительству, то соответственно никаких неприятностей от такого парламента ждать будет нельзя. Во всяком случае, он вряд ли сможет что-либо сделать конституционным большинством. Это первое.

И второе. Общее число депутатов нового Верховного Совета (называть его Думой тогда еще никто не предлагал) предлагалось даже расширить по сравнению с существующим, 450 вместо 252 депутатов. Казалось бы, какой взлет представительности законодательного органа! Однако если учесть, что эти 450 депутатов избирались вместо 1068 народных депутатов Съезда, то получалось, что представительность сокращается более чем в два раза. А если учесть, что количество депутатов избранных непосредственно, должно было составить лишь половину из них, то есть 225 человек, а вторая половина должна была образоваться из партийных списков, за которые надо было голосовать в тех же избирательных округах, то получалось, что реально эти округа увеличивались в 5 раз. То есть, если по действовавшей тогда российской Конституции каждый депутат избирался примерно от 100 тысяч избирателей, то по демократической получалось, что депутата могут избрать только 500 тысяч избирателей.

Это означало, что если при Съезде народных депутатов существовала некая связь между кандидатом в депутаты и населением в том смысле, что кандидат мог реально встретиться со своими избирателями или на собраниях, или на личном приеме, то есть связь между кандидатом и его избирателями была непосредственной, то когда численность этих избирателей дошла до полумиллиона человек, стало понятно, что это нереально. При такой системе очевидно, что кандидата можно избрать, сделав его известным только через средства массовой информации, а, в свою очередь, доступ к СМИ контролирует либо тот, кто имеет деньги, либо тот, кто имеет власть.

Таким образом, по задумке демократов, изменение Конституции должно было привести к тому, чтобы при ее помощи, с одной стороны, обезопасить действующую власть при любых ее последующих антизаконных действиях, а с другой стороны, сделать саму будущую Государственную Думу практически не зависящей от воли своих избирателей даже на выборах. Потому как выбирать они смогут только того, кому власти окажут свою поддержку.

Эта Конституция от Шейниса и компании после государственного переворота и стала проектом, вынесенным президентом на референдум. Она реализовывала главные президентские требования, о которых я сказал выше, а прочая фразеология насчет демократических свобод президента и его команду интересовали мало. Собственно, она воспринималась ими как своего рода клетка, чтобы поймать птичку – голоса на референдуме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.